

ОТЗЫВ ОФИЦИАЛЬНОГО ОППОНЕНТА

о диссертации **БАСОВОЙ Ульяны Анатольевны «МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА»**, представленной на соискание ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.02.19 – теория языка и 10.02.01 – русский язык (Тверь, 2018, 231 стр.)

Обращение к изучению макроконцептов высвечивает целый ряд нерешенных проблем и дискуссионных аспектов современной лингвистической теории концепта. Прежде всего, не до конца понятен статус макроконцепта. Для сравнения, в рецензируемой диссертации постулируется, что данное ментальное образование имеет большое количество вербализаторов, существенный объем концептуальных признаков, сложную структуру (к этому пониманию макроконцепта мы еще вернемся далее в отзыве), в то время как Г.Г. Слышкин определяет метаконцепты (коррелируют с макроконцептами) уже как результат *вторичной* концептуализации (что объясняет употребление приставки ‘мета-’ в соответствующем термине), объектом которой становятся продукты предшествующего концептуализационного опыта [см., в частности: Слышкин, Г.Г. Лингвокультурные концепты и метаконцепты: Дис. ... доктора филол. наук. Волгоград, 2004]. Рассматривая в 2004 году концепт ОТНОШЕНИЯ, вербализуемый при помощи союзов и вполне подпадающий под определение макроконцепта, автор этих строк сознательно избегал употребления данного термина ввиду его размытости, чтобы не усложнять еще до конца не сформировавшийся терминологический аппарат лингвоконцептологии [Алимурадов, О.А. Значение, смысл, концепт и интенциональность: система корреляций: Дис. ... доктора филол. наук. Ставрополь, 2004].

Если принять, что макроконцепт в иерархической классификации концептов стоит достаточно высоко, то несложно заключить, что в формировании ментальных репрезентаций такого рода должны принимать участие и так называемые базовые концепты. Таким образом, обращаясь к моделированию макроконцептов, мы неизбежно затрагиваем и одну из сложнейших и до конца не решенных проблем лингвоконцептологии – проблему базовых концептов. Список ментальных репрезентаций этого уровня до сих пор не определен; столь же неопределенными представляются и критерии отнесения того или иного концепта к категории базовых. Ответ на вопрос о том, что такое базовый концепт, может дать только комплексное исследование, в котором будут учтены два принципиально важных момента. Во-первых, без наблюдений над

концептуальной системой человека в его развитии из ребенка во взрослого невозможно дать аргументированный ответ на вопрос о том, какие из концептов имеют прямое отношение к базовому опыту, приобретаемому в начале развития личности, а какие связаны с этим опытом лишь опосредованно, появившись на основе исходных концептуальных сущностей. Во-вторых, сам факт зарождения на заре личностного развития ещё не является достаточным критерием для отнесения концепта к базовым. «Базовость» концепта определяется еще и тем, что он служит *фундаментом* для формирования относительно большого числа других концептов (макроконцептов в том числе), является как бы узловым элементом, с которым связано значительное количество компонентов концептуальной системы человека. Таким образом, обращение к проблеме макроконцептов в итоге приводит нас к осмыслению истоков формирования концептосферы в целом, к уточнению основополагающих принципов и механизмов концептуализации. В этом мне видится несомненная **актуальность** и **теоретическая значимость** проведенного У.А. Басовой исследования.

Помимо сказанного выше, теоретическая значимость рецензируемой диссертации определяется следующими факторами.

1. Основной заслугой автора в методологическом плане, на мой взгляд, следует признать уточнение общих принципов и конкретных алгоритмов моделирования концептов на основе исчисления когнитивных признаков. Некоторые основы применяемой методики изложены в первой главе работы (разделы 1.4 и 1.6). Методологически значимым нужно признать и следующее определение структуры макроконцепта, приводимое на *стр. 8*: «У макроконцептов особая структура. Эта структура в основе своей построена по принципу голографичности, где каждый признак макроконцепта является самостоятельным концептом». Конечно, такое определение небесспорно. На мой взгляд, в нем следовало бы акцентировать не то, что каждый признак макроконцепта является самостоятельным концептом, ибо при таком подходе практически стирается грань между макроконцептом и концептуальной картиной мира, ведь и то, и другое представляются как совокупность самостоятельных концептов. Как свидетельствуют эмпирические результаты исследования У.А. Басовой, макроконцепт является таковым не потому, что конституирующие его признаки самостоятельны, а потому, что эти признаки находятся между собой *в теснейшей связи*, причем некоторые (вторичные по сути) формируются на основе более ранних. Несмотря на дискуссионность приведенного определения, мне представляется чрезвычайно важным учет

принципа голографичности при моделировании концептов и иных ментальных репрезентаций, обладающих сложной структурой.

2. Как уже отмечалось выше, диссертант очень тщательно и последовательно доказывает, что выявляемые ей во второй и третьей главах разноуровневые признаки, составляющие структуру и содержание макроконцепта ДЕТИ, находятся в многонаправленных корреляциях. Связи выявлены и между мотивирующими признаками данного концепта (см. раздел 2.1), и между многими его понятийными признаками (в особенности это справедливо для собственно витальных и соматических признаков, а также для индивидуальных и социальных антропоморфных понятийных признаков – см. подробнее разделы 2.2.1.1.1, 2.2.1.1.2, 2.2.1.2.1 и 2.2.1.2.2). Таким образом, моделируемый концепт абсолютно правомерно можно рассматривать именно как единство, как сложную систему взаимосвязанных когнитивных признаков.
3. Очень важным в теоретическом плане мне представляется также и то, насколько объективно в работе показано *соотношение* понятийных и образно-символических признаков в структуре и содержании макроконцепта ДЕТИ. Я не склонен преувеличивать роль метафоры в познании окружающего и внутреннего мира, равно как и ее роль в процессах концептуализации. По этой причине мне очень импонирует то, что У.А. Басова недвусмысленно показывает, сколь разнообразны и многочисленны именно понятийные признаки изучаемого ей макроконцепта. Характерно, что самым разноаспектным и репрезентативным в речи оказался понятийный признак 'люди', напрямую коррелирующий с мотивирующими признаками данного концепта (стр. 62). Вместе с тем, нельзя сказать, что метафорическая составляющая макроконцепта ДЕТИ не получила адекватного освещения в настоящей работе. Подробно показано, что доминирующими для русского языкового сознания выступают символические признаки детей, матерью которых является земля. В этом автору «видится преимущество древнего религиозного кода русской лингвокультуры» (стр. 174).
4. Наконец, выводы и положения, представленные в диссертации, вносят определенный вклад в понимание динамики концептов. В этом отношении особенно интересна вторая глава работы, в которой эксплицировано то, как исходные мотивирующие признаки рассматриваемого макроконцепта трансформируются со временем в понятийные признаки, актуальные для моделирования этой ментальной репрезентации на современном этапе.

Научная новизна рецензируемого труда определяется следующими

факторами.

1. Прежде всего, нетривиален подход к моделированию макроконцепта ДЕТИ. Несмотря на то, что данный концепт анализируется уже не в первый раз, и диссертант хорошо владеет историей вопроса (см., например, небольшой, но емкий обзор на *стр. 9*), в отечественной лингвоконцептологии до сих пор не предпринималось столь детальное и многоаспектное исследование этой ментальной репрезентации.
2. Подробнейшее «препарирование» исследуемого макроконцепта позволило по-новому оценить то место, которое занимает лингвокультурная составляющая в структуре антропоморфных концептов. Впервые подробно исчислены те разноуровневые когнитивные признаки, в которых прослеживаются следы культурного кода.

У.А. Басова определяет **практическую ценность** проведенного ей исследования, но делает это, на мой взгляд, слишком скромно. Помимо очевидной возможности использования результатов, полученных соискателем, в преподавании разнообразных вузовских курсов, считаю необходимым обратить внимание на то, что и широкий спектр эмпирических результатов, и очень понятное и системное их представление в виде таблиц, списков, диаграмм и т.д. (см. обширное и информативное приложение) создают предпосылки для составления в дальнейшем лексикографического продукта нового типа (мультимедийного словаря, тезауруса, возможно, электронной базы данных), построенного на принципах когнитолингвистического моделирования.

Несмотря на общее положительное впечатление, сложившееся в ходе знакомства с рецензируемым трудом, полагаю, что в диссертации имеется целый ряд положений и примеров, дающих повод для научной дискуссии.

1. Первая группа вопросов касается объекта исследования. Как понять, что макроконцепт представляет собой именно макроконцепт? Диссертант отвечает на этот вопрос следующим образом: «На это указывают такие факторы, как большое количество его вербализаторов, объем концептуальных признаков, сложная структура, наличие родо-видовых отношений между репрезентантами этого концепта» (*стр. 31*). Между тем, если вдуматься, то ни один из перечисленных признаков нельзя рассматривать как дифференциальный, позволяющий отграничить макроконцепт от просто концепта. И сложность структуры, и большое количество вербализаторов, и наличие родовидовых отношений между репрезентантами вполне правомерно рассматривать и как характерные особенности обычного концепта, обладающего достаточно

разветвленной структурой, значимого для представителей той или иной лингвокультуры.

2. Этимология – сфера очень обширная, и в ней сейчас существует огромное количество лексикографических источников различного качества. Чем руководствовался диссертант при отборе словарей для этимологического анализа, представленного во второй главе рецензируемой работы? Почему не был использован «Этимологический словарь славянских языков» под редакцией (на момент выпуска) члена-корреспондента АН СССР О.Н. Трубачева? Интересно, что в выпуске 5 данного словаря зафиксированы не только **děte* (дитя, ребенок) или **dětina* (детина – дитя, а также многодетная женщина (!!)), но и форма множественного числа **děti*, которую автору диссертации удалось отыскать лишь в «Историко-этимологическом словаре современного русского языка» П.Я. Черных.
3. Несколько поспешным, на мой взгляд, выглядит вывод соискателя о том, что «Признак ‘маленький’ у исследуемого макроконцепта сопровождается наивысшей позитивной оценкой» (см. *стр. 57 диссертации*). Приводимая далее цитата из письма Н.М. Карамзина, безусловно, подтверждает процитированные слова, однако разве в современном русскоязычном материале отсутствуют контрпримеры? К примеру, достаточно большое количество результатов с совершенно иной оценкой дает в Национальном корпусе русского языка запрос «маленькие оружие дети»...
4. Дифференцировалась ли каким-то образом вербальная репрезентация макроконцепта ДЕТИ в художественной литературе, публицистике и в научно-популярных текстах? Нередко для иллюстрации того или иного концептуального признака приводятся примеры, относящиеся ко всем перечисленным функциональным стилям (показательно также, что представлены отрывки из художественных текстов разной жанровой принадлежности) (см., например, *стр. 60-61, 67-68, 97-98, 137 и др.*).
5. Требуют дополнительного комментария некоторые примеры вербальной репрезентации когнитивных признаков исследуемого в работе макроконцепта. Так, в частности, какая именно эмоция, по мнению соискателя, описана в следующем отрывке: «К чему сочинял эти таблицы, над которыми *мучились, мучатся* и *будут мучиться* до веку все дети человеческого племени? Квитка-Основьяненко. Пан Халявский» (*стр. 86*)? В этой же связи было бы нелишним пояснить, в чем заключается отличие признака ‘желание’ от признака ‘спрос \ просьба’. Почему диссертант рассматривает данные признаки как

коррелирующие, но, в то же время, отличающиеся друг от друга? Ср. пример на стр. 97: «Особым *спросом* у взрослых и детворы пользуется мороженое. Удачный «брак по расчету» // «Аграрный журнал», 2002».

6. Почему У.А. Басова акцентирует факт именно *объектной* реализации интерперсонального признака 'власть' (стр. 117 диссертации)? Может ли данный признак иметь *необъектную* реализацию? Как в примере «Мои друзья говорили воспитателям, что всех этих *детей* с замедленным умственным развитием можно вылечить простым лекарством: родительской *любовью* и *лаской*. Калиниченко. Элли и Катрина» (стр. 118) можно проследить *объектную* реализацию концептуального признака 'любовь'?
7. Как в примере «Устало, как больные *дети*, они жалобно *рокочут* и точно жмутся друг к другу. Андреев. Вор» (стр. 148) прослеживается метафорическая актуализация именно образного признака 'воды'? Видимо, тут недостает компонентно-семантического или дефиниционного анализа, который подтвердил бы выводы автора.
8. Наблюдается определенная диспропорция в объеме, внутренней связности и степени детализации выводов по главам рецензируемой диссертации. Наименее удачными в этом отношении мне представляются выводы по третьей главе.

Подчеркну, что приведенные выше полемические соображения касаются лишь ряда частных положений, выдвигаемых У.А. Басовой, и не умаляют более глобальных достоинств рецензируемого труда. Знакомство с диссертацией позволяет квалифицировать ее как самостоятельное исследование, актуальное по тематике, скрупулезное по исполнению, обладающее новизной и обоснованностью подходов и трактовок, очевидной теоретической значимостью и практической ценностью, репрезентативное по эмпирической базе. Автореферат и публикации соискателя полностью отражают основные теоретические и практические результаты работы.

Цель исследования достигнута, все поставленные задачи решены в полном объеме, вследствие чего анализируемый материал получил комплексное описание с позиций лингвокультурологии и был обобщен в виде частных и общих когниолингвистических моделей.

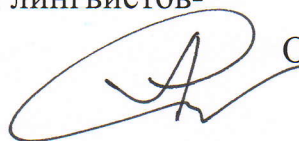
В целом, диссертация «**МЕНТАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ДЕТИ В РУССКОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА**» является завершенной научно-квалификационной работой, которая соответствует всем требованиям и нормативам, установленным в «Положении о присуждении учёных степеней» в

редакции постановления Правительства РФ от 24.09.2013 № 842, с изменениями постановления Правительства РФ от 21.04.2016 г. № 335, а автор – Ульяна Анатольевна Басова – заслуживает присуждения ей искомой ученой степени кандидата филологических наук по специальностям 10.02.19 – теория языка и 10.02.01 – русский язык.

04 марта 2019 года

Официальный оппонент

доктор филологических наук, доцент,
профессор кафедры западноевропейских
языков и культур Института переводоведения
и многоязычия федерального государственного
бюджетного образовательного учреждения
высшего образования «Пятигорский
государственный университет», начальник
управления научной работы ФГБОУ ВО «ПГУ»,
главный научный сотрудник НОЦ ФГБОУ ВО «ПГУ»
«Прикладная лингвистика, терминоведение
и лингвокогнитивные технологии»,
руководитель Северо-Кавказского отделения
«Российской ассоциации лингвистов-
когнитологов» (РАЛК)

Олег Алимуратович АЛИМУРАДОВ

Контактная информация:

Алимуратов Олег Алимуратович (специальность 10.02.19 – теория языка)

Почтовый адрес: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9.

Юридический адрес учреждения: 357532, Ставропольский край, г. Пятигорск, пр. Калинина, д. 9.

Телефон: (8793) 400-175; (8793) 400-505.

Факс: (8793) 400-310. **E-mail:** alimuole@mail.ru

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Пятигорский государственный университет» (ФГБОУ ВО «ПГУ»)

Web-сайт организации: www.pgu.ru

